

Все события и герои вымышленны. Любое сходство является совпадением.

ГЛАВА I

Она всегда знала чего хочет от жизни. И почти всегда делала так, как хотела. Мама за это называла ее эгоисткой. Бывший муж — идиоткой и сволочью. Друзья — баловнем судьбы. Друзей, правда, было не так уж и много. Если хорошо посчитать, то всего лишь один, но зато какой..

Вспомнив о нем, Катерина перехватила руль левой рукой, а правой нашарила на пассажирском сиденье мобильник. Распахнула стильную перламутровую телефонную крышечку, ткнула в кнопку с цифрой «пять» и удовлетворенно улыбнулась, услышав ровный зуммер.

— Тебе чего?! — отвратительно недовольным и заспанным голосом спросил Кирилл Дедков, как всегда, опустив приветствие.

— Привет, Дед, — укорила она старого друга и, завидев указатель на обочине, притормозила в паре метров от него. — Чего делаешь?

— А ты как думаешь, умница?! На часы смотрела? Если нет, то взгляни для начала, а потом задавайся идиотскими вопросами!!! — зарычал Кирилл, громко хрустнув плечевым суставом, тут же застонал, выругался и захныкал: — Все из-за тебя, Катька! Теперь весь день плечо ныть будет! Вот

повернулся не так, и снова-здорово! Ну вечно ты не вовремя!

— Могу и не звонить, — попыталась она обидеться. — Вечно я не ко времени. То плечо у тебя ноет, то в голову стреляет, а мне, между прочим, совет твой надобен. Вот потому и звоню. А так разве стала бы я тебя будить в половине одиннадцатого утра, Кирюша!

Ее сарказм тут же оценили по достоинству.

— Ладно, старуха! Все нормально. Имею я право понять хотя бы при тебе?! У Марка зубы режутся, всю ночь орал, хоть из дома беги. По очереди нянчились с Татьяной. Под утро только и угомонился.

Марк был младшим, третьим сыном Кирилла Дедкова. Первых двух он оставил своей прежней жене после безуспешных судебных разбирательств и попыток отстоять право хотя бы на одного ребенка.

Не отстоял!

Дети остались с его бывшей — Анжелиной. Решение судьи уложило Кирилла на обе лопатки. Он был раздавлен, пару месяцев безбожно гулял, проматывал деньги и толпами водил к себе на квартиру малолеток. Потом, очухавшись, вновь помчался в свой прежний дом и принялся умолять Ангелину позволить ему хотя бы раз в неделю забирать к себе пацанов.

Не позволила!

Мало того, надумала переезжать в другой город, где у нее якобы все сложилось и с личной жизнью, и с работой, и с жильем. Врала безбожно, Кирилл узнавал. Личной жизни никакой, работа так себе, а жильем она называла двухкомнатную

хрущевку, оставленную ей троюродной теткой по материнской линии.

Кирилл взбесился и возобновил свой судебный террор, наняв сразу двух опытнейших адвокатов. Денег те скачали с него прилично. Детей Дедкову никто не отдал, но переезд был отложен. Мотивацией оказалось несоответствие квартирного метража принятым нормам. И еще: судья вынес решение, позволяющее Дедкову видеться со своими сыновьями раз в две недели по выходным.

Ангелина пришла в ярость, очень долго бегала по инстанциям, апеллировала, топала ногами, но решение пересматривать никто не стал. И один раз в две недели, по субботам, Кирилл Дедков забирал своих мальчишек из школы. Приезжал в час дня за ними на машине, усаживал счастливых, смеющихся Мишу и Сережу на заднее сиденье и вез куда глаза их глядели.

Однажды опоздал! Невиновен был абсолютно. В его машину, припаркованную у магазина, где он закупал сыновьям обязательные подарки, въехал один умник, перепутав спяну педали. Сильно помял задний бампер, крыло и разбил фару. Платить на месте отказался наотрез, пришлось вызывать соответствующие службы, заполнять кучу бумаг, а время тикало.

Приехал к школе Дедков с опозданием в полтора часа. Нервничал страшно. Боялся, что детей уже забрала Ангелина.

Не забрала, хвала небесам!

Мальчишки с учительницей старшего сына Мишки гоняли по школьному двору ледышку, пытаются забить гол между поставленных прямо на снег портфелей.

Увидели его, закричали, запрыгали, схватили

упирающуюся учительницу за обе руки и потащили к его машине.

— Папа, папа, это Татьяна Иванна, она нам забила уже десять голов! — надрывался второклассник Сережа, сдвинув меховую шапку на макушку. — Мы ее уговорили не звонить маме, сказали, что ты обязательно приедешь. Она поверила!..

Татьяна Ивановна и в самом деле оказалась очень доверчивым человеком. Она верила всему, что говорил ей Дедков. Смотрела на него шоколадными глазами восточной красавицы, улыбалась и верила в любую его ложь. В какой-то момент Дедкову вдруг надоело ей врать, он взял да и женился на ней. Правда, предварительно выцарапал у своей подруги — Катерины Старковой — благословение.

Почему выцарапал? Да потому что Катерина умоляла Дедкова не портить жизнь бедной девочке. Сама к тому моменту проходившая через тернии бракоразводного процесса и имущественного дележа, Катерина ненавидела всех мужчин без исключения, восплавав немедленной симпатией к каждой женщине, даже самой недостойной и гадкой.

Она так и сказала своему другу, попросив предварительно извинения:

— Вы все козлы, Дед! А девочке еще жить да жить. Оставь ее в покое!

Дедков совета не послушался и на Татьяне Ивановне все-таки женился. И даже свадьбу устроил в ресторане, подкатив к нему на белом лимузине со своей молодой женой. А потом...

А потом, когда его неожиданное благородство и пылкие чувства чуть поостыли, Дедков заскучал. Все чаще стал задерживаться на службе, засиживаться у Катерины допоздна, по выходным уезжать на охоту и рыбалку. И кто знает, не обладай

Татьяна терпением и мудростью, не люби Дедкова так преданно и верно, не разошлись бы они уже на втором году совместной жизни. А потом...

Потом родился Марк, и с рыбалками Дедкову пришлось завязать. Иначе Катерина грозилась набить ему морду, если он еще раз оставит жену с крохотным младенцем на руках и один на один с грязными пеленками, несваренными обедами, небранной квартирой и запущенной внешностью, в которой потерялась былая холеная красота.

Дедков мало-помалу уgomонился, но однажды вечером, уходя от Катерины в приличном подпиритии, доверительно шепнул ей на прощание:

— Эх, Катька! Знал бы я, что все опять так же, по тем же рельсам и с теми же авоськами, я бы... Я бы никогда уже не женился. А если бы и женился, то только на тебе, дружище!

Разговору этому было почти полгода, но он до сих пор не давал ей покоя. Маетно как-то становилось, когда представлялось их с Дедковым возможное совместное проживание. Маетно и грустно.

— Так какой совет тебе надобен, старуха? — Дедков неприлично громко зевнул ей прямо в ухо. — Спрашивай, позволяю!

Он вроде уже успокоился, а Катерина вдруг расстроилась. Ну чего он в самом деле с ней как с мужиком?! Старуха...

Ну, Старкова она от рождения и что?! Это не дает ему права цеплять ей ярлыки, клички, будто она собака какая-то! Она уже забыла, когда он ее по имени нормально называл. То Катька, то старуха! Перед Татьяной, что ли, своей так выделяется, ревности ее страшится?..

— Чего молчишь? — заорал Дедков так, что

она даже вздрогнула. — Уснула, что ли, за рулем, сатана?!

Час от часу не легче! Еще краше, еще милее!

— Слушай, Дедков, — начала она строго. — Если ты меня еще раз назовешь подобным образом, я тебе...

— Что? — притих тот сразу и насторожился.

— Я тебя пошлю куда подальше, вот! — У нее даже глаза зачесались от внезапной обиды и слезы запросились из глаз. — А совет мне уже и не нужен совсем. И без тебя решила, что еду именно в этот город.

— Это в который? — поинтересовался Кирилл противным бесцветным голосом, который она терпеть не могла, никогда не разберешь, что за этим последует.

Катерина по слогам прочла ему надпись на указателе, возле которого остановила свою машину.

— И почему именно туда? — все так же, не меняя интонации, спросил Дедков.

— А почему нет? Старинный русский город, с памятниками старины, многовековой историей, загадочным народом и... — Она набрала полную грудь воздуха, намереваясь сказать ему гадость. — И, слышала, мужики там шикарные.

— Ага! И все ждут не дождутся, когда Катька Старкова к ним пожалует! — фыркнул он, моментально ожесточаясь. — Чего же это она все свои тридцать с лишним лет прозябает в мегаполисе? Чего же не приедет и не сделает свой окончательный выбор, способный превратить ее унылую одинокую жизнь в разноцветную радугу? Ведь этот город просто создан для того, чтобы одарить ее счастьем! Нигде же больше подобного счастья не встретить, только там! Да езжай ты куда хочешь, поняла, дура старая?!

ГЛАВА 2

Она теперь ни за что и никогда ему не позвонит после тех гадких слов, которые он не хотел, да сказал ей.

Дедков вздохнул, со злостью швырнув телефон в кресло напротив кровати. Мобила тут же утонула в ворохе выстиранных, но непоглаженных ползунков. И это снова разозлило его.

Сколько раз можно говорить, чтобы не расшвыривала детское белье по стульям и креслам! Есть же специальный комод. Нет! Выстирает, высушит и раскидает по всей квартире. Не квартира, а прачечная...

Кирилл перевел взгляд на спящую супругу, недовольно поморщился и тут же снова вспомнил о Катерине.

Не надо было говорить с ней так гадко. А зачем сказал? Хотел ужалить побольнее? Наверное, так. Да, именно так. Хотел, хотел, отрицать глупо. Зло вдруг взяло Дедкова Кирилла, да какое зло!

Мало того что отпуск свой решила провести так нелепо, колеся по просторам необъятной родины, чему он всячески противился, так еще и о мужиках каких-то речь вдруг завела.

Какие, спрашивается, мужики?! Какие?! Только успела раны зализать после Сандро своего, после его низкого дележа простыней и чашек с вилками. И что? Снова захотела на адреналиновую иглу? А плакаться ведь в его жилетку станет. И ныть, и выть, и ругаться, и проклинать на чем свет стоит все мужское племя. И опять даже не в этом дело. Сандро был ей пускай и никудышным, но все же мужем. А тут что?! Тут как?! Укатила за сотни верст искать приключений на одно место, а ему те-

перь ночей не спать! Он и так не спит из-за зубов своего младшего, так теперь и Старкова ему тему подбросила.

Дедков еще раз покосился на спящую Татьяну, понял, что теперь ему уже ни за что не уснуть, и, осторожно ступая, вышел из спальни и направился на кухню варить себе кофе.

Кухня была любимым местом Кирилла и его гордостью к тому же. Сколько сил, денег и нервов вложил он в ее переустройство. Ломались стены, кроились метры из кладовки и крохотного тамбура между коридором и лоджией. Вывешивались трехъярусные потолки, выравнивались стены, выкрашивались в его любимый оливковый цвет, и расставлялась потом мебель, сделанная по его индивидуальным эскизам.

Что особенно было мило Кириллу, так это узкий кожаный диван, опоясавший кухню по трем стенам, большой обеденный стол и еще небольшой бар, встроенный под окном. Возле него он теперь и присел, решив наплевать на кофе и чуть разбавить смурное утро коньячком.

Коньяка в баре оказалось граммов на сто в трех пузатых бутылках, не больше. Он достал их все. Слил коньяк в низкий стакан с широким дном, чуть поболтал, размешивая, и выпил, забыв поморщиться. Поморщился чуть позже, вспомнив, что обозвал Катюку старой дурой.

Зачем?! Во-первых, это неправда. Ей всего было тридцать два, и моложе его она на целых три года. Во-вторых, выглядела она в свои тридцать два... Н-да...

Шикарно, одним словом, она выглядела.

Татьяне, что была ее много моложе, следовало бы поучиться у Катюки мастерству. Не киснуть, не

чахнуть, не вянуть прежде времени, а просто-напросто взять пару уроков у Старковой. Поинтересоваться, к примеру, как ухитряется Катерина, поднявшись утром с кровати в свои-то тридцать два, не быть лохматой, опухшей, с мутными, будто с перепоя, глазами. И спросить еще, почему Старкова всем на свете шикарным халатам предпочитает носить дома крохотные шортики и такие же малюсенькие маечки. Может, в этом секрет ее вечной молодости? Может, в этом отрицании домашних балахонов, в которые так любит кутаться его молодая жена Татьяна?..

Дедков подошел к окну, оперся о подоконник, выглянул на улицу и снова расстроился.

На улице всюю топился асфальт, солнце полировало стекла и крыши, изгоняя из городов праздную публику. В тень, к воде, к прохладе.

Катька на сегодня тоже оказалась праздной, отпуск у нее долгожданный и заслуженный. И она тоже, как и все, помчится, не успев устроиться с жильем, на речку. Будет выделываться там, ныряя со всех имеющихся вышек, а она умела делать это виртуозно. Катька станет нырять, а толпа шикарных, кем-то обещанных ей мужиков будет глазеть на нее с берега. А поглазеть было на что. Тут еще, как на грех, купальник ей выбрали на прошлой неделе более чем откровенный. Он сам и помог с выбором, винить было некого. Когда выбрали, еще заставил примерить, оценил по достоинству, а потом весь остаток дня мучился от непонятного досадного чувства, будто он сделал что-то не то. Только теперь понял, что именно...

— Кирюша, — на кухню зашла Татьяна, пытается проморгать остатки сна. — Ты за молоком не сходишь, у Маркуши кушать нечего на утро.

— Схожу, — буркнул он недовольно и тут же отвернулся.

Обязательно нужно на ночь напяливать на себя ночную сорочку, напоминающую чехол от рояля? Это что для нее — непременный атрибут семейной жизни? Было ведь что-то у нее, когда они еще только встречались, что-то воздушное, кружевное, что он с удовольствием стягивал с ее худеньких плеч. Куда все подевалось? Может, в груди невыглаженного белья потерялось?

— Тань. Тут такое дело... Ты давай определись, что еще нужно купить... — Он с трудом подыскивал слова, пытаясь выговорить то, до чего вдруг додумался, наблюдая из окна за сумасшедшими скачками июльского солнца по окнам и крышам.

— А что такое? — моментально насторожилась она и подбоченилась, сразу став похожей на заснеженный сноп в своей сорочке. — Что случилось?

— Ничего не случилось! Почему обязательно что-то должно случиться?! — вспылил он мгновенно, он все время теперь так заводился, неврастеньник чертов. — Извини... Просто мне необходимо будет уехать на несколько дней. Командировка... Неожиданная...

— Да? — Татьяна подошла к нему, тронула за плечо, разворачивая на себя, уткнулась лбом в его голую грудь и прошептала: — А твоя командировка никак не связана со звонком Старковой?

Надо же, все слышала, а притворялась, будто бы спит. Дедков нехотя положил ладонь на ее потный затылок и погладил, приговаривая:

— Ну что ты, дурочка, что ты! Ревновать удумала или как? При чем тут Старкова? Если ты все слышала, то должна была понять, что мы разругались вдрызг.

— Вот-вот, именно! — Татьяна едва слышно всхлипнула, прижимаясь к нему плотнее. — Ты же не можешь жить спокойно, если у твоей Старковой проблемы. Ты же на костер за нее пойдешь. А она тебя использует как хочет!

— Эй, что за разговоры ты ведешь, женщина?! — попытался он отшутиться, шлепнув ее чуть ниже поясницы. — Смотри, накажу.

Шутка не прошла. Татьяна вдруг напряглась, отпрянула, глянула на него непривычно строго и даже с яростью и зашипела, зашипела:

— Это я тебя накажу, Кирюша! Я тебя так накажу!!! Только я не Ангелина, со мной твои штучки с дорогими адвокатами не пройдут! Я заберу Маркушу и уеду к родителям! Там тебе нас никогда не достать!

Это была нешуточная угроза. Папаша у Татьяны был достаточно влиятелен. В своем ближнем зарубежье обладал достаточной мощью и властью и запросто мог наложить запрет не только на свидания с сыном, но и на посещение Дедковым своей крохотной страны.

Кирилл расствирепел, на пару минут стиснув зубы, а потом снова сказал не то, что собирался. Что-то его сегодня разобрало с утра однако.

Татьяна опешила.

— Что ты сказал?! Что ты сказал, повтори!!!

— Я сказал: делай что считаешь нужным, — пробормотал он в смятении и побрел в спальню собираться.

ГЛАВА 3

Городок был небольшим и очень миленьким. Никаких тебе новостроек, все сплошь частный сектор. Нет, где-то далеко на западе торчали бетон-

ные высотки, окутанные белесым смогом, но это было далеко, за рекой, а там, куда сразу заехала Старкова, был просто какой-то пряничный рай. Аккуратные домики, почти все сплошь выкрашенные в нежно-лимонный цвет. Милые палисадники за низкими заборчиками, напоминающими издали кружевные. Цветы, яблони, вишни. Клумбы утопали в цвету, деревья щедро плодоносили, благоухало так, что она неожиданно застыдилась и затушила сигарету в пепельнице.

Проехала один квартал, второй, третий. Улицы будто соперничали в названиях, стремясь угодить мировой истории, прославившей борцов за дело пролетариата: Ленина, Дзержинского, К. Маркса, Кирова...

Она изъездила их все вдоль и поперек, все высматривала, приценивалась. Потом все же вернулась на Дзержинского и после недолгих раздумий притормозила возле забора с вывеской «Сдается недорого».

Домик был небольшим, аккуратным, глазающим на улицу одним окошком, увитым диким виноградом. От калитки к крылечку вела песчаная дорожка в обрамлении клумб с тигровыми лилиями. За клумбами плотным частоколом сгрудились яблони. Яблок было так много, что листва за ними с трудом угадывалась. И пахло вокруг такой одуряющей свежестью, что Катерина тут же решила для себя, что, невзирая на едкий отзыв Дедкова, она здесь непременно останется.

Она не успела дойти до крылечка, когда к ней под ноги из саблевидных зарослей лилий выкатилось что-то огромное и рыжее. Выкатилось, тут же мяукнуло и устало на нее демоническими зелеными глазами.

— Ух ты! — Старкова присела перед огромным рыжим котом и потянулась рукой, чтобы погладить. — И как же нас звать-величать?

— Васькой-паскудой его звать-величать, — отозвалось откуда-то из-за яблонь. — Не тронь его, девушка. Еще оцарапает! Ему станется, окаянному!!!

Пожилая женщина в чистеньком платье в крупный белый горох выбралась на дорожку. Отряхнула подол, заправила под косынку выбившиеся седые прядки и тут же потянулась к Катерине ладошкой.

— Меня тетей Машей зовут, а вы на отдых?

— Да, на отдых. На табличке написано, что дом сдается, — пожалала Старкова прохладную мозолистую руку. — Это ваш?

— Нет, соседский. Но ключи у меня. Хозяев нет, они давно в городе за рекой обретаются. А дом каждое лето сдают, — пояснила тетя Маша, ходко потрусив к крылечку. — Я бы вас и не услышала, как бы не бес этот рыжий. Он почище собаки любой, все чувствует. А вы проходите, проходите, осмотритесь. Понравится, цену оговорим. А коли нет, то и языком болтать попусту нечего. Так ведь?

Катерина кивнула, следом за женщиной ступая в темные прохладные сенцы.

— Здесь вот кухня, — повела ее тетя Маша по дому. — Газовая плита, холодильник, вода только холодная подведена. Горячую воду уж придется греть на плите. Туалет в огороде, слева за домом. Там и грядки посажены, огурцов прорва, клубника тоже сильная, еще не сошла. Можно побаловаться... Так, тут у нас горница, гостиная по-вашему. Телевизор, радио, все как положено. Диван не раскладывается, даже не пытайтесь, гвоздями хозяин забил, чтобы не расползался. А тут спальня. Кровати

вам одной должно хватить. Ну а коли не одна будете, то... Да, думаю, все равно хватит...

Женщина стрельнула в Катерину лукавым взглядом из-под края белоснежной косынки, развернулась и проговорила с улыбкой:

— Вы тут без меня осмотритесь. Понравится, оставайтесь. Нет, что же... Я на улице буду. Осмотритесь.

Тетя Маша ушла, сграбастав рыжего Ваську за мощный загривок. А Катерина еще раз прошлась по небольшому домику.

В кухне было немного тесновато, но чисто. Ровный ряд посуды в металлической сушке над умывальником. Слева от умывальника вплотную к подоконнику стоял обеденный стол с тремя табуретками. Справа газовая плита с две конфорки. Возле двери, напротив окна, нашел себе место старенький холодильник с распахнутой настежь дверцей.

Катерина повертела в руках перевитый изоляцией в нескольких местах старый шнур и тут же воткнула вилку в розетку, захлопнув плотно дверцу.

Она остается, решила. Пускай диван в комнате намертво приколочен гвоздями. И койка односпальная, и тумбочка возле нее явно казарменного вида, она все равно остается. Хотя бы назло тому же Дедкову.

— Я остаюсь, — сказала, выходя из дома на улицу. — Мне понравилось.

— Вот и славно. Идемте за мной. Выдам вам постель, я ее сама стираю.

Еще полчаса ушло у Катерины на заселение. Они оговорили цену. Тетя Маша взяла с нее за две недели вперед. Выдала ей два комплекта постельного белья, кучу бесполезных советов и ушла к се-

бе, пожелав приятного отдыха. Да, напоследок не забыла добавить:

— В доме не курить, если вы курите! Строго запрещено и хозяевами, и мной! Вы ведь не курите, Катя?!

При этом она посмотрела на нее с таким благоговейным ужасом, что Катерина не хотела, да затрясла отрицательно головой.

— Умница! — тут же похвалила ее теперешняя соседка по огороду. — Где это видано, чтобы бабы курили!!! Срам же и отравы! Из рта — что из помойки! Да и домик ветхий, не приведи господь, полыхнет, вся улица займется. Да и хозяева не велят курящим дом сдавать. Ни мужикам, ни бабам. Ну, обживайтесь!

Обживать дом она не спешила. Для начала нужно было осмотреть окрестности и определиться с местом для курения. Она же не бросит курить из-за глупых предрассудков случайных людей. Вот и пошла, переодевшись с дороги в шорты и футболку, по саду, огороду, высматривая себе укромный уголок.

Минут через десять Катерина расстроилась. Не было укромных мест, способных защитить ее от вездесущего ока тети Маши! Не было, хоть плачь. Попробовала нырнуть в яблони, как тут же услышала звонкое с другой стороны забора:

— Вы яблочек-то набирайте вон из-под той, что молнией стегануло. Они очень сладкие. Остальные ближе к августу годятся. А эти теперь в самый раз...

Катя промычала в ответ что-то невразумительное и поспешила обогнуть угол дома.

Там дело обстояло много хуже. Вся растительность, что буйствовала позади дома в огороде, едва

доходила ей до колен. И разговора не могло быть, чтобы укрыться в пышных морковных метелках или в луковых грядках.

Она прошла в зад-вперед по огороду, начала было подумывать о том, чтобы съехать, когда усмотрела в изгороди, венчающей огород, крохотную покосившуюся калитку. Подошла, потрогала ее, убедилась, что всех запоров на ней — это двойной ряд ржавой проволоки, и тут же принялась ее распутывать.

— Зря вы это, Катерина, затеяли, — укорила тут же ее тетя Маша, ее голубое платье в белый горох мелькало уже в огороде, правда, в своем. — Там обрыв крутой. Внизу, правда, пляж был когда-то, но заросло все. Но обрыв дюже крутой. Не ровен час, ноги поломаете...

— Это ничего, тетя Маша! — Она так обрадовалась, что позабыла подосадовать на любопытную соседку. — Пройдусь, осмотрюсь, может, и искупаюсь.

— Ну гляди, я предупредила. — По тону было заметно, что затея новой жилички ей не по душе.

Она поворчала еще немного и убралась, забрав с собой изо всех сил упирающегося рыжего кота. А Катерина, распутав проволоку, пошла вниз, осторожно ощупывая тонкими подошвами летних сандалий почву крутого склона.

Склон и в самом деле был достаточно крут, но совсем не казался непроходимым. В одном месте Старкова обнаружила довольно-таки прилично утоптанную тропу. Она начиналась откуда-то слева, от дома других соседей, и серпантинном спускалась вниз, к самой воде.

Ага! Катерина заулыбалась. Не все, оказывается, подвластно любопытству тети Маши. Пляж, ку-

да Катерина спустилась, не казался столь уж запущенным и заросшим. Им явно кто-то пользовался, причем совсем недавно. На огромном валуне, возле самой воды, в центре недавно сорванного лопуха — тот даже увянуть не успел под палящим солнцем — валялся кусок мыла. И кусок этот был еще влажным. Катерина специально проверила, слегка коснувшись его кончиками пальцев. И еще песчаная кромка запечатлела оттиск мужской стопы приблизительно сорок второго размера. Значит...

Значит, по соседству с Катериной жил мужчина. Возможно, что и одинокий. Будь у него жена, он ни за что не забыл бы мыло на пляже. И возможно, мужчина обеспеченный. Мыло было дорогим, о чем свидетельствовал еще не замыленный фирменный оттиск в самом центре куска. Это было совсем неплохо, она снова улыбнулась, на сей раз не без удовлетворения.

Не все так плохо, черт возьми! Может, ее отдых, немного подгаженный Дедковым, еще и окажется приятным. Может, все еще и получится и ее перестанут наконец терзать противные мысли о том, что было бы, если бы Дедков снова не женился...

Скучно ей стало уже на третий день. Первые два она колесила по городу, знакомилась с достопримечательностями, покупала продукты, пыталась даже что-то готовить, а потом заскучала.

Каждый последующий день был похож на предыдущий, и она знала, что так и будет: ничего не изменится ни в среду, ни в четверг. Она так же будет вставать в половине десятого утра, бегать на пляж под бугор. Затем возвращаться, попутно завернув в заросли глухой крапивы покурить. Потом

приготовит себе кофе с яичницей. Без аппетита позавтракает, снова проедется по городу, может быть, даже сходит в кино, но...

Но веселее ей от этого не станет. Тут еще, как на грех, Дедков как сквозь землю провалился, не звонил, паразит, третий день. А ей звонить первой гордость не позволяла. В конце концов, это он должен позвонить первым и извиниться. За старую дуру, к примеру.

Не звонил!

Он не звонил, а она наливалась глухой непроходимой тоской и каждый вечер перед сном загадывала, что завтра она непременно уедет. И уехала, как бы не интригующее любопытство, разбуженное ее соседом.

Сначала ее заинтриговали его ноги, потом интересное мнение о нем, а уже потом...

А потом случился тот самый его телефонный разговор, после которого Катерина Старкова не могла себе позволить, просто не имела права взять и уехать, не докопавшись до истины.

Ну, все по порядку.

Ноги его она увидела на второе утро своего пребывания в этом забытом богом городишке, поначалу показавшемся ей таким благословенным местом. Она забралась в заросли глухой крапивы покурить. Сначала сбегала на реку, быстро искупалась, потом на берегу фыркала и отряхивалась совершенно по-собачьи. И все озиралась по сторонам, не видит ли ее кто. Купалась ведь голышом. Одевалась и только тогда уже полезла в бурьян. Уселась на дощечку, специально для этого дела принесенную из хозяйской пристройки. Вытряхнула сига-

ретку, взяла зажигалку и вот тут-то и услышала его шаги.

Мужчина — она не ошиблась, разгадывая оттиск его голой стопы на мокром песке, — шел шумно, не остерегаясь. Старкова встала на четвереньки и чуть подалась вперед, раздвигая носом бархатистые стрелчатые листья.

Да, она снова не ошиблась, приписывая соседу состоятельность. Кроссовки, в которых он ступал по тропе, стоили баксов четыреста, никак не меньше. Крепкие загорелые икры, хорошо развитые колени, стройные бедра, наполовину скрытые шортами. Все, дальше видно ничего не было. Попробуй она рассмотреть, чуть задрав голову, непременно обнаружила бы себя. А это казалось ей постыдным. Начнет задавать вопросы, еще подумает, будто в бурьяне она сидела по нужде какой-нибудь. Фу, стыдно. Она и затаилась. И пока мужчина шумно плавал, она быстро выбралась из своего укрытия, так и не покурив, и помчалась наверх.

Этим же днем Катерина Старкова очень подробно допросила тетю Машу, завуалировав свой интерес тем, что кто-то якобы топтался возле задней калитки.

— Этого быть не может, — отрезала та, насупившись. — Здесь отдыхающих ты да вон тот, что к Мокроусовым заселился.

— А кто это? — тут же поспешно вставила Катерина, подсунула под локоток пожилой женщины пакетик с жареными орешками и подхалимски предложила: — Угощайтесь.

Тетя Маша тут же жадно зачерпнула из пакетика и принялась хрустеть, приговаривая:

— Кто его знает, кто это? Машина дорогая. Приехал один. Вроде бизнесмен какой-то. Только Нин-

ка Мокроусова, у которой он угол снимает, говорит, что мужик какой-то себе на уме. От ее кухни отказался наотрез. Обедает в ресторане. Дружбы ни с кем не водит, вроде как не с руки ему. А третьего дня видели его у Голощихина двора. Выходил вроде из калитки. А чего он там забыл, спрашивается? Голощихин Ванька спился до такой степени, что себя не помнит по утрам. Бывает, что и одеколон пьет, и морилку и ходит потом с синей рожей по поселку. Чего такому важному мужчине делать у Голощихина?

— Кто его знает! — поддакнула в тон ей Катерина, вроде как с осуждением, а внутри все тут же зазудело, зачесалось от любопытства. — Действительно же, слишком разные люди для общения!

— Вот и вот. И телефон его!.. — Тетя Маша даже сплюнула, не пожалев ореховых крошек. — Нинка говорит, и звонит, и звонит без конца. То он, то ему! То он, то ему! Это какие нервы надо?

— А чего же он тогда этот дом не снял, в котором я остановилась? — задалась Катерина резонным вопросом. — Жил бы себе и разговоры вел без конца, никому не мешая.

— Так он только освободился, дом этот! Тут до тебя еще жили. Другой вопрос: почему в гостинице не поселился?!

— Вот-вот, — снова подхватила Катерина.

— Денег у него куры не клюют, Нинке заплатил даже с лихвой. Мест в гостинице полно.

— А надолго он поселился?

— Никто не знает. Нинка спросила было у него. А он сказал, как с делами закончу, так и съеду. А какие у него дела, прости господи?! Гольшом купаться по утрам, возле Голощихинового двора крутиться да по телефону трепаться без конца. А еще

на машине гонять по городу, вот! — Тетя Маша еще что-то говорила и говорила нелестное в адрес Катинного соседа, но та ее уже не слушала.

Мыслями завладела загадочная соседская фигура.

Кто он? Почему поселился именно здесь, а не в городе за рекой? Что за дела его могут связывать со спившимся Голоцихиным? Может, недвижимостью себе присматривает или еще какая причина...

Странно, но на последний вопрос тетя Маша уготовила занимательный, маловероятный, но все же ответ.

— Так Ванька, болтают, по весне у себя на огороде клад нашел, — запросто так проговорила она, высыпала на ладонь последние орешки из пакетика, второй рукой потерла поясницу и пожаловалась: — Ноет, гадина, дождь будет, не иначе.

— Какой клад?! — вытаращилась Старкова на тетю Машу, поясничные боли соседки ее занимали мало. — Настоящий клад?!

— Кто его знает. Болтают. Я лично не верю. Ванька, он трепло, каких поискать. Болтал спьяну, что нашел чего-то в огороде и вроде в милицию снес. Только никакая милиция ничего и в глаза не видала. У меня там зять работает, он знает. Все и забыли вроде, а Ванька как нажрется, так опять за свое. Он небось и этому бизнесмену спьяну наболтал, неспроста же тот возле него крутится. Ладно, Катерина, недосуг мне. Тесто подходит. Пироги стану печь. К вечеру внуки с дочкой нагрянут. Ты, хочешь, заходи на огонек.

Она не хотела ни пирогов, ни лишних знакомств с тетей-Машиными отпрысками. Ей хотелось познакомиться с жильцом Мокроусовых и разузнать у того поподробнее про возможный клад, который

нашел по весне местный пьяница — Иван Голощикин. Если крутой бизнесмен был у того в гостях, то наверняка Голощикин и ему хвалился про находку.

Вот бы узнать!!! Это же так интересно! Это занимательно! Это скрасит ее бездеятельное прозябание здесь.

Но сосед на контакт не шел. Пару раз, завидев его машину издали, Катерина принималась крутиться возле своей калитки. Но, как на грех, то теть Маша ее отвлекала, то Мокроусова принималась самолично распахивать гаражные ворота, куда жилец ставил свою машину. А оттуда он напрямик топал в дом, и рассмотреть его Катерина так и не смогла.

И вот однажды утром, по привычке устроившись на дощечке с сигаретой, Катерина снова услышала, как жилец Мокроусовых спускается к реке. Стоит заметить, что два предыдущих дня, сколько она его ни караулила, он так и не появился. А тут...

У нее даже дух перехватило от представившейся возможности познакомиться с ним поближе. Быстро убрав сигарету вместе с зажигалкой обратно в пачку, спрятав все это хозяйство под дощечкой, Катерина прошлась пальцами по волосам, одернула майку и совсем уже было собралась подняться в полный рост, как услышала:

— Да иди ты к хренам собачьим, Тарас! Ты думаешь, что сидеть вечно здесь рядом с ним — это хорошая затея?! Я тут уже всем старухам глаза промозолил! И мало этого, еще поселилась цыпа одна по соседству, так она глаз с меня не спускает... — Он помолчал немного, очевидно слушая, что говорит ему Тарас, а потом снова воскликнул на желчном подъеме: — А я знаю, что ей от меня

нужно?! Ей, может, того же нужно, что и мне! А это ведь никуда не годится, так?.. Ну почему сразу убирать?! Что ты за палач такой, Тарас?! Я даже имени ее не знаю, а ты сразу убирать!

Катерина Старкова была уже достаточно взрослой девочкой и без лишних комментариев разобралась, что на их сленге значило «убрать». Неведомый Тарас предлагал избавиться от нее, как от возможного нежелательного свидетеля, попросту говоря, он предлагал жильцу Мокроусовых ее убить.

За что?! Что она такого сотворила, что ей без лишних рассуждений быстренько вынесли приговор?! Она же...

Она же просто хотела с ним познакомиться, чтобы по возможности скрасить свое одиночество и его заодно, если получится! И глаз с него она не спускала именно по этой причине, а не по какой другой. И ничьи секреты и уж тем более клады ее не волновали.

Кстати, о кладе...

— Он клянется и божится, что отдал все милиции! — достаточно громко воскликнул добрый молодец и следом чуть тише: — А в ментуре ничего об этом не слышали... Да, кто-то врет! А кто?! Как хочешь, Тарас, как пожелаешь! Давай сам, я умываю руки!..

Тут он спустился почти к самой воде, и дальнейший их разговор Катерина не слышала. Но и полученной информации оказалось достаточно, чтобы толкнуть ее на дальнейшее безумство.

Что она сделала? Она сотворила самую большую, не считая брака с Сандро, в своей жизни глупость.

Она дождалась, когда жилец Мокроусовых пристроит свою одежду и телефон на том самом валу-

не, где однажды забыл кусок мыла, прыгнет в воду и уплывет достаточно далеко от берега. И только тогда очень осторожно, передвигаясь почти все время на четвереньках, пробралась к его вещам. Трясущимися руками, стараясь не оказаться на виду, она схватила его телефон. Нажала кнопку последнего вызова, просмотрела номер абонента, который так нагло предлагал распорядиться ее жизнью. Запомнила его, пару раз пробубнив себе под нос, осторожно вернула телефон на место и тут же начала карабкаться вверх по горе.

Ворвавшись в дом, будто за ней гнались все известные истории демоны, она вытряхнула из сумочки авторучку с блокнотом, быстро записала номер. И только тогда смогла отдышаться.

Вот это номер!!! Вот это да!!! Вот это, что называется, отдохнула в тихом, милом городишке! Что теперь делать?! Бежать? А смысл? Ее машина почти круглосуточно торчала возле забора. Номера на верняка были записаны, и личность ее если еще не установлена, то будет установлена непременно. А скорое бегство лишь возбудит нежелательное подозрение, поэтому...

Поэтому Катерина Старкова решила остаться.

ГЛАВА 4

Лишь сегодняшним утром Кирилл Дедков в полной мере осознал, насколько он несчастен. Все беды и неприятности, преследовавшие его после неудачного первого брака, показались ему смешными и нелепыми в сравнении с той бедой, что уготовила ему Татьяна.

А она уготовила ему страшное испытание, к которому он оказался не готов.

Он ведь сходил минувшим днем за молоком. И закупил еще четыре пакета продуктов, чтобы в его отсутствие семья ни в чем не испытывала нужды. Потом съездил на работу, договорился с начальником, который одновременно был ему и приятелем, что тот его прикроет в случае чего. Под словом подразумевался неожиданный звонок Татьяны, если вдруг той понадобится внести ясность относительно его неожиданной командировки.

Приятель — Савостин Игорь Николаевич — даже выписал ему командировочное удостоверение, которое даже провел через бухгалтерию, указав, правда, совсем другой пункт назначения, нежели планировался Дедковым. Подстраховались, одним словом, основательно. Но все оказалось напрасным.

В утро, когда Дедков Кирилл укладывал в дорожную сумку смену белья, бритвенные принадлежности и пару маек на случай дикой жары, беды ничто не предвещало. Хотя Татьяна вела себя слегка неадекватно. Вместо того чтобы помогать мужу со сборами, как бывало прежде, она схватила полусонного Марка на руки, уселась с ребенком в гостиной и, поминутно глядя на часы, наблюдала за Кириллом.

Ему бы насторожиться, задаться вопросом: с чего это его жена с раннего утра вырядилась в легкий дорожный костюм, а не блуждает по дому в привычной глазу ночной сорочке?

Не задался, идиот!

Казалось бы, его должен был насторожить тот факт, что и Марка она для чего-то одела, словно на

улицу с сыном идти собиралась, хотя время было совсем не привычное, не для прогулок.

Не насторожил!

Поэтому и бросился, ничего не подозревая, в прихожую, поспешил открыть дверь на требовательный звонок. Открыл дверь, а там...

На пороге стоял его тесть собственной персоной в окружении четырех здоровенных мужиков в пиджачных парах с оттопыренными подмышками.

— О! — только и успел вымолвить Кирилл, не зная, радоваться ему или горевать. — Доброе утро! Какими судьбами, батя?!

Батя его приветствие оставил без ответа. Потеснил небрежно от порога и ввалился вместе со своей свитой в квартиру.

— Таня, ты готова, дочь? — проговорил тесть, проходя в гостиную. — Как тут мой внук?

Внук таращил на незнакомцев сонные глазенки и собирался, кажется, разреветься.

— С ним все хорошо, па. — Дочь подставила отцу щеку для поцелуя, передала ему на руки Марка и, сочтя все же объяснение необходимым, обронила в сторону опешившего супруга, застывшего посреди комнаты с флакончиком пены для бритья: — Мы уезжаем, Кирюша.

— Как уезжаете?! погоди, я что-то не пойму! — Дедков даже разозлиться как следует не успел, таращил глаза на всех присутствующих и без конца повторял: — погоди, Тань, как уезжаете?! что за хрень ты несешь?! куда уезжаете?! я продуктов накупил на три недели! меня не будет буквально дня три-четыре, не больше. ты справишься, Тань.

— Мы уезжаем, Кирилл. — Она подняла на него гневный взгляд, показавшийся ему сразу чужим и незнакомым.

— Надолго? — поставил он вопрос по-другому, глянул в недоумении на флакон, который теребил в руках, отшвырнул его куда-то в угол и снова спросил: — Надолго уезжаете?!

— Навсегда, Кирилл, — выдохнула жена с передаваемым злорадством. — Я забираю Марка и уезжаю на родину. Так будет лучше для всех.

— Уезжаешь, да? А ты у меня спросила?! Ты спросила, что лучше мне? Что лучше Марку? Ты дура, что ли, совершенная?! Ты чего взъерепенилась, не пойму? Из-за моей командировки? Так отменю, господи ты боже мой! Отменю, раз тебе так хочется!

Он начал заводиться, хотя делать этого не следовало, этого от него и ждали. Надо было сдержаться, вести себя корректно. Попытаться договориться с ними цивилизованно. Сесть за стол переговоров и обсудить, черт побери, глупейшую ситуацию.

Все было провокацией от начала до конца. И неурочный визит ее папаши, и свита его, вооруженная до зубов, и решение жены, ничем не подкрепленное. Только понял он слишком поздно, когда уже лежал на полу с выкрученными за спину руками. А он и хотел-то только отобрать у тестя сына. Своего собственного, между прочим, сына. Сына, которого нянчил от рождения. И купал, и пеленал, и из бутылочки кормил. И последние две недели не спал ночами из-за того, что у того резались зубы.

А они забрать его собрались! Навсегда, между прочим! Кирилл и пошел на них с кулаками. Силы только оказались неравными. Охранники тестя сломили его сопротивление без лишних телодвижений. Уложили на пол лицом вниз, придавили коленками и держали его руки в таком вывернутом положе-

нии, что плечевой сустав, вечно не дающий ему покоя, захрустел, будто его выдержули.

— Не забирай ребенка!!! — рычал Кирилл, извиваясь на полу, будто ящерица. — Что я тебе сделал, дура?! Что такого я тебе сделал?!

— Ты сделал ей ребенка, — хохотнул утробно тесть, подошел к нему, присел перед ним на корточки, приподнял его голову за волосы и, надменно ухмыляясь ему прямо в глаза, проговорил: — Ты ей сделал ребенка, сына, этого достаточно, мой дорогой. У меня никогда не было наследника. А как без него в моем положении? Мне без него нельзя. Калечить мальчику жизнь я не позволю. Он должен быть воспитан в духе наших традиций, чтобы быть готовым нести бремя моего положения и моих денег, когда наступит его время.

— Пусть так! — перебил его Кирилл, все еще плохо понимая, что происходит. — Никто его не лишает деда. Ты можешь завещать ему все свое барахло, и когда он вырастет...

— Нет, так не получится, дорогой. — Тесть отцепил свою руку от его волос, и голова Дедкова шлепнулась с глухим стуком. — Вы с вашим демократизмом отравите ему сознание, и он просто-напросто окажется не готов к тому, что ему предначертано судьбой. Я давно бы это сделал. Но я не мог идти против воли Татьяны. Боялся, что моя дочь будет без тебя несчастлива. Но теперь все так удачно сложилось. Теперь она нажилась и хлебнула в достатке счастья с тобой, охламоном. Теперь она готова вернуться на родину. Так что...

— Так что?!

Дедков попытался отыскать взглядом Татьяну, но ее загородили грузные фигуры охранников, а может, она уже и вышла из квартиры, и ждет те-

перь своего папочку в его шикарной машине президентского класса.

— Все удачно сложилось, мой дорогой. — Тесть вытащил из кармана пиджака носовой платок и вытер о него пальцы той руки, которая трепала Дедкова за волосы. — Татьяна тебя разлюбила. Ты не сделал ее счастливой. Ты, кажется, и сам не знаешь, любил ли кого, кроме себя. Да, кстати! У тебя уже есть двое сыновей, с ними и утетишься. А мой внук не должен жить в такой семье! Где все делится на троих. Тем более что те двое ему совершенно чужие...

Вон в чем дело! Прозрел моментально Дедков. Вот откуда у этой гнусной мелодрамы ноги произрастают! Татьяна не простила его любви к сыновьям от первого брака. Она старательно делала вид все эти годы, что мальчики ей не в тягость. Что она не злится, когда он уезжает к ним по субботам. И ей совершенно не жаль тех денег, которые он тратил на них сверх положенных алиментов. И вежливо улыбалась всегда, когда он с упоением рассказывал ей про Мишку и Сережку, поддакивала даже.

А что оказалось на самом деле?

А на самом деле она их ненавидела, получает-ся?! Ревновала своего сына, их общего, между прочим, к тем двоим, которых он никогда не переставал любить. И считала, что Марк обделен. Что ему плевать на то, в какой именно коляске Марк будет вывезен на прогулку, главное — выкроить денег Мишке и Сережке на летний отдых у моря.

— А что здесь дикого? Всем должно быть поровну! Они же все мои сыновья, — вяло огрызнулся Дедков в сторону Татьяны.

Она не ушла, оказывается. Она все это время

торчала в прихожей. А потом выскочила оттуда и наговорила такого, что, если бы не Марк, он бы лично попросил папашу забрать свою дочурку к чертовой матери.

— Но не мои, скотина! — взвизгнула она тонко.

Подбежала к нему, распростертому на полу, и наподдала ногой, за что тут же была проклята Дедковым на веки вечные.

— У меня один сын! И все должно быть только для него! Мне плевать на Мишу, Сережу, Васю, Петю и кого ты там еще успел наплодить! У меня сын один — Марк! И он не должен быть обделен.

— Он и не будет, дорогая. — Папа приобнял дочь за плечи одной рукой, второй небрежно удерживая внука.

— Держи ребенка аккуратнее, дедуля хренов! Уронишь! — снова не выдержав, возмутился Дедков и застонал от боли.

Чертов охранник снова дернул его за руку, и сустав, не выдержав, вышел из положенного места. Теперь еще и к травматологу визит обеспечен. Надо же, а утро так хорошо начиналось. Ничто не предвещало, и тут такое..

— Теперь это уже не твоя печаль, мой милый зять. Хотя теперь какой ты уже мне зять. Когда придешь в себя, ознакомься. — Тесть передал хныкающего Марка дочери, вытащил из кармана пиджака лист бумаги казенного образца и кинул Дедкову в лицо. — Ты теперь свободен, Кирилл. Да, чуть не забыл! Не пытайся что-то изменить. Мне проще стереть с лица земли все воспоминания о тебе, чем вернуть тебе Марка. Помни это, дорогой. Помни, живи пока, но оглядывайся. Все, уходим!..

Перед тем как уйти, дюжий молодец врезал Дедкову как следует. Врезал по самым уязвимым

местам, исключив тем самым возможное преследование. И Кирилл еще с полчаса корчился на полу в собственной гостиной, рассматривая замысловатый узор на ковре. Когда боль понемногу отпустила, он поднялся на ноги. Прошелся взад-вперед по комнате. Вроде бы ничего, все цело. Даже плечо, как ни странно, не особо беспокоило. Чего нельзя было сказать о его душе. Там было так гадко, так омерзительно!..

Дедков нагнулся за листком, что швырнул ему в лицо тесть. Развернул и стал читать. Ну конечно! Глупо было ожидать иного. Свидетельством о расторжении их с Татьяной брака оказалась эта гнусная бумага. Дедков скомкал ее в руке и зашвырнул куда-то себе за спину.

Развелась, стало быть, гадина! Развелась за его спиной, вступив в сговор с папочкой своим, которому приспичило вдруг воспитать себе наследника. Ну а он, Дедков, тут при чем?! Почему он должен был выступать в роли суррогатного папаши?! Это ведь не вчера задумывалось — отобрать у него пацана, это обдумывалось днями, неделями и месяцами. Платились деньги, устраивались разводы, оформлялись документы. Они вот уехали теперь, а ему что делать?! Что делать в этой пустой квартире, забитой под потолок детскими вещами и игрушками?!

Гадкий комок тут как тут, встал в горле, и Кирилл глухо застонал.

Что устроили!!! Что натворили!!! Как он будет с этим жить? Как жить, есть, пить, дышать, зная, что где-то там его сын, с которым он уже никогда, никогда не увидится?!

Дедков побрел на кухню, сел прямо на пол перед баром, достал бутылку водки, открутил пробку и...

И так и не донес ее до рта. Пить нельзя, сказал он себе. Помощи от этого никакой. Будет только хуже. Такое же случалось прежде, когда Ангелина пошла войной против него. Что он выиграл? Да ничего! Только время зря потерял. Да и за руль пьяным не сядешь, а он ведь собирался...

Да, он ведь собирался вызволять из захолустья свою глупую подругу — Катюку Старкову. Удумала тоже — искать шикарных мужиков за сотни верст от родного города. Еще в историю какую вляпается со своим неумным желанием делать все по-своему. Надо хотя бы ради нее сохранить твердость духа и трезвость мысли. А водка, она никуда от него не денется. Она так и будет стоять в баре и ждать его возвращения.

Кирилл вошел в ванную, сунул голову под ледяную струю. Долго фыркал и плескал себе в лицо, пытаясь прогнать отвратительное жжение в глазах. Кое-как справился. Глянул на себя в зеркало, нашел, что для совершенно несчастного человека выглядит неплохо, и позвонил Савостину.

— Слышь, Игорек, а меня Танька бросила, — сказал он сразу, как только его приятель и начальник в одном лице снял трубку.

— Да ну! Когда?! Слушай, когда ты только успеваешь?! — попытался тот сострить.

— Только что бросила, Гоша! Ввалился ее папочка, приволок с собой целую армию твердолобых охранников, они меня на полу распластали и... И Марка забрали, представляешь?! — На последних словах голос все же изменил, как Дедков ни крепился. — И я его никогда больше не увижу, Гоша!

— Кто сказал? — осторожно вставил друг, поняв, что с остротами надо бы повременить, слишком уж голос Кирилла был надрывным.

— Папа ее и сказал. Швырнул мне в морду свидетельство о расторжении брака. Предупредил, чтобы я жил теперь с оглядкой и не пытался вернуть свою семью.

— О как!!! — ахнул Савостин, и не понять было, чего в этом возгласе больше — горечи или зависти.

Сам Игорек был женат единожды, детей не имел. Не желали они их иметь по обоюдному с женой согласию. Желю свою терпеть не мог, сотни раз намеревался с ней расстаться, но всякий раз его останавливал один-единственный аргумент — контрольный пакет акций их общего бизнеса в ее руках. Может, потому и ненавидел ее, что оставить не мог, черт его знает.

— Да ладно бы Танька, хрен с ней! Таких, как она, пруд пруди, но Марк. Ты же знаешь мое отношение к детям, Гоша! Что делать, а, дружище?! Что?! — Дедков снова очень некстати вспомнил о водке, спрятанной им в бар. — Нажраться, что ли?!

— Хочешь, составлю компанию? — подхватил участливо Савостин и даже в кресле заерзал от перспективы выпить и как следует пройтись по костям слабой половины человечества.

— А работа? — все еще пытался сопротивляться Кирилл. — Прямо уедешь с самого утра ко мне, пить водку?

— Легко! Так я поехал?.. — И чтобы Кирилл не передумал, Игорек отключился.

Тут же суетливо сбегал в комнату отдыха, расположенную дверью напротив через приемную. Собрал внушительный пакет со спиртным, бросил туда банку черной икры, палку копченой колбасы, компот с ананасами, несколько упаковок бутербродного сыра и четыре апельсина.

Секретарша, выпрыгнувшая из-за своего стола и последовавшая за ним, удивленно выкатила голубые глазищи.

— Игорек! Ты куда это собрался?!

— У друга беда, надо поддержать, Ленок, — пояснил Игорь и тут же попросил: — Ты уж меня прикрой, Ленок, если гарпия моя явится. Хорошо?

— Конечно, прикрою, но как же наши планы? Мы же собирались вечером... — нараспев проворчала Ленокка, скрестив пальцы на удачу.

Сегодня вечером он ей был совершенно не нужен, ну нисколько. Отказать ему, когда он просил задержаться или съездить с ним в сауну, она не имела права, конечно, но если он сам от нее отказывается, глупо было бы не воспользоваться моментом.

— Да будет у нас с тобой еще не один вечер, Ленок! — на подъеме подхватил Игорек, свойски устраивая потные ладони на ее декольтированной груди. — Моя собирается в следующем месяце в турне по Европе, тогда и оторвемся. Идет?

Она лишь кивнула, мысленно послав своего шефа и мучителя ко всем чертям. Она его не то что ненавидела, она его глубоко и прочно презирала. Мужчина, который живет рядом со стареющей жадной стервой ради денег, недостойн уважения. Молодой, достаточно привлекательный, если не сказать красивый, а губит себя ради горы бумажной, еженощно укладываясь в постылую постель.

Упреков в свой адрес, намекающих на ее меркантильность, Ленокка никогда не принимала и не приняла бы. Она с ним не из-за денег ну или не из-за них одних. Она с ним ради удовольствия, Игорек умел его доставить.

— Так я пошел? — Савостин с трудом оторвал-

ся от четвертого размера груди секретарши Леночки, потоптался у порога комнаты отдыха и, жалко улыбнувшись, снова попросил: — Ты уж подстрахуй, Ленок. Не забудь...

Тремя часами позже Савостин пьяно улыбался несчастному Дедкову и уговаривал, смешно коверкая слова:

— Дурак ты, Кирюха! Форменный дурак! Ты счастья своего просто оценить пока не в состоянии! А оно тебе привалило, поверь!

— Да ну!

Дедков хмуро смотрел перед собой, проклиная себя в сотый, наверное, раз, что пошел на поводу у Савостина и напился. Легче, как и ожидалось, не стало. Притупилось немного в груди, да. Чуть завязло, сделавшись липким, клейким и оттого еще более противным его горе. Но облегчения не наступило. И гвоздем в мозгах сидела мысль о Катьке, которая мало того что укатила к черту на кулички, так еще и телефон отключила из вредности.

Что из вредности, Дедков не сомневался. Обиделась на него за «дуру старую», вот и отключилась. А то еще чего вредного удумала, новую симку купила, а новый номер не сообщила. О том, что с Катькой могло что-то случиться, Дедков даже и не думал. Он просто мысли такой не мог допустить по одной простой причине: что все несчастья на него за один день свалиться не могут.

ГЛАВА 5

— Слушай, Василек, ты мне услугу не окажешь? — сладким-сладким, будто патока, голосом пропела Катерина, прижимая плечом к уху свой мобильник.

— Та-а-ак! Старкова, последний раз ты со мной разговаривала подобным образом, когда твой милейший Сандро сбил на пешеходном переходе пожилую женщину, — настороженно ответил ей еще один старый друг. Правда, рангом пониже Дедкова. — Что на этот раз?! Что натворил твой любезный?!

— Успокойся, Василек, — заторопилась Катерина, сощурившись от яркого солнца, исколовшего ей глазные яблоки до радужных кругов, что вдруг поплыли над рекой.

Она выбралась-таки на городской пляж. И, облачившись в недавно купленный купальник, добросовестно переворачивалась уже полтора часа с живота на спину. Загорать ее смуглой коже смысла не было, зато имелся смысл находиться на глазах у соседа, что бомбил визитами Ивана Голощикина, общался с неведомым ей Тарасом, а тот, в свою очередь, желал ей не чего-нибудь, а смерти.

— Сандро давно числится в бывших супругах.

— Да ну! Не верю, старуха!

И он, блин, туда же. Мало ей Дедкова, так теперь еще и Василий Терехов, прозванный Теркой еще со стародавних времен, будет ее именовать так гадко. Вот погодите, мерзавцы, вернется домой, она им устроит выходные дни с головомойкой. Она научит их общению с молодой еще женщиной.

— Такая любовь! Такая страсть!!! Под вашими ногами земля же горела, когда вы рука об руку шли! И вдруг в бывших! А кто кого бросил, если не секрет? — ядовито поинтересовался Терехов, давно и безуспешно штурмующий ее женское естество. — Ты его или он тебя, а, Катерина?

Конечно же, она... была оставлена красавцем Сандро. Оставлена ради молоденьких прелестниц,

которым он правил потянутые лодыжки, массировал позвоночники и которых избавлял от целлюлита. Массажистом был ее бывший муженек. Модным, красивым, высокооплачиваемым, а оттого и чрезмерно востребованным.

— Какая тебе разница, Терка?! — возмутилась Катерина, краем глаза заметив, что сосед вроде бы направляется в ее сторону. — Какая тебе разница, скажи, кто кого бросил?! Это принципиально?

— Ну конечно! — Васька рассмеялся отвратительно и тут же, оборвав свой смех, с интимным придыханием шепнул: — Если ты его бросила, я могу все еще на что-то надеяться. А если он тебя...

— Что тогда? — лениво поинтересовалась Старкова и перевернулась животом вверх.

— Тогда мои дела дрянь. Ты же станешь его оплакивать, страдать, проклинать всех, кого он полюбит после тебя. Считать их недостойными, гадкими особами.

Приблизительно так оно и было первые два месяца после развода. Она их проклинала, ненавидела, считала гадкими и недостойными, гнусно обольстившими ее красавца мужа, чрезмерно падкого до женских прелестей. Потом случился раздел имущества, и Катерина думать так перестала. Сандро проявил себя таким мелочным, таким отвратительно меркантильным, ведь он даже столовое серебро разделил по три ложечки каждому. А когда встал вопрос о дележе трех скатертей, привезенных Катерине матерью из-за границы, он просто сделался несчастным, не зная, как три делить на два.

Она нашла тогда выход, да какой! Она схватила ножницы и располосовала пополам одну из самых лучших, одну из самых красивых. Сандро ед-

ва сдержал слезу, обозвав ее истеричной гадиной. Как вам такой расклад?!

— Я его не оплакиваю, Василек, — утешила, как могла, старого друга Старкова. — Я его ненавижу!

— Тоже не очень... — Терехов озадаченно прищелкнул языком. — От ненависти до любви, сама знаешь, всего ничего. Слушай, Старкова, а ты где сейчас вообще? Чего это вдруг звонишь мне, не захав?

— Я на отдыхе, Василек, — терпеливо молвила Катерина.

Палящее солнце ее доконало, хотелось окунуться в воду и сидеть там до самого заката. Дернул ее черт выбраться сегодня из спасительной прохлады старого съемного домика, утопающего в тени яблонь и дикого винограда. Дернул ее черт выехать следом за соседом.

А тот, как на грех, не шел на контакт. Если и глазел в ее сторону, то без малейших намеков на любезность. Сейчас вон снова прошуровал мимо, а она-то надеялась...

Дошел до ларька с прохладительными напитками, купил что-то, Катерине с ее места видно не было, что именно.

Может, ей самой инициативу проявить? Может, просто подойти, оскалиться по-голливудски и предложить...

— Как это на отдыхе?! — перебил плавное течение ее крамольных мыслей Терехов. — И просишь теперь оказать тебе услугу? Какого плана, интересно? Погоди, попробую догадаться... Наверняка затеяла курортный романишко и жаждешь пробить по базе того человечка, с которым нежишься? Я угадал?

— Почти, — начала Катерина и тут же, услышав протяжный стон Терехова, поспешила успокоить: — Но не совсем! Дело обстоит много хуже, чем ты можешь себе представить, Василек.

— Что опять?! Ты опять втрескалась?! — То ли он в самом деле так переживал, то ли издевался, но трагизма в голосе на четверых хватило бы. — Старкова, тебе не стыдно, в твоём-то возрасте! Уж прости, что об этом вспоминаю, но пора бы, пора тебе остепениться!

— Дурак ты, Терка! — не выдержала она его причитаний, тут еще снова сосед прокоптил мимо и даже не покосился в ее сторону. — Все много хуже! Меня хотят убить!!!

— Что? Тебя? Да кому ты... Та-ак! И куда на сей раз ты вляпалась? — наконец-то, Терехов проникся и забеспокоился.

Катерина живенько представила себе, как он сейчас нервно теребит узел галстука, пытаюсь растегнуть пуговку тугого накрахмаленного воротничка. Он всегда так делал, когда нервничал. И еще пытается найти что-то неведомое в ящиках стола. Он начинал ими поминутно двигать, когда психовал, хотя необходимости в этом почти никогда не было.

— Вот и звоню тебе, чтобы не вляпаться, — промурлыкала Катерина, заметила, что сосед снова удостоил ее вниманием, и живописно изогнулась, поправляя под собой махровую простыню. — Тут такое дело, Василек, что по телефону всего и не расскажешь. Ты лучше номерок телефонный один пробей и узнай по возможности, что это за клиент. Идет?

— Идет, — проворчал Терехов после непродолжительной паузы. — Диктуй.

Она быстро выговорила ему набор цифр, которые заучила наизусть. Пожелала другу удачи и отключилась, решив искупаться. Сосед как раз полез в воду, и она поняла: либо сейчас, либо никогда.

Прохлада воды обожгла пережаренное на солнце тело, и Катерина невольно ахнула. Но, заметив, что интригующая ее темная макушка неумолимо удаляется от берега, прыгнула и поплыла.

Она догонит его, непременно догонит! Она плавает ничуть не хуже, хотя и силы явно не равные.

Догнала и с улыбкой, проплыв бок о бок метра три, проговорила:

— Неплохой сегодня день, не правда ли?

— Да, ничего, — осторожно заметил мужчина, вблизи он показался ей много моложе и много привлекательнее, чем на расстоянии. — Вы неплохо плаваете.

— Ага! — обрадовалась сразу она представившейся возможности продолжить разговор. — Я еще много чего неплохо делаю!

— Да? И что же?

Он развернулся к ней лицом и уставился, как на своего злейшего врага, что вдохновляло мало. Но Катерина была полна решимости, и суровость его взора ее не напугала.

— Я неплохо пою, танцую, и собеседник я исключительный, — продолжала она скалиться. — А вы что делаете сегодня вечером?

— То же, что и вчера. Отдыхаю! — с явным намерением на то, что вмешательства в свою личную жизнь он допускать не намерен, ответил сосед. Потом все же счел, что это невежливо, и поинтересовался для приличия: — А вы?

— А я... То же, что и вчера, — продолжу скучать! На редкость унылый городишко, не находи-

те? — Она устала, пора было разворачиваться и плыть к берегу, но сосед упорно греб в обратную сторону.

— Да нет. Нормально, — буркнул он, покосился в ее сторону и нехотя спросил: — Вас как зовут?

— Катерина. А вас?

— А я Александр. Давайте поплывем обратно, вы явно устали. Не хватало мне еще вас спасать.

Они развернулись и обратный до берега путь проделали в полном молчании.

Александр, значит, размышляла Катерина, отфыркиваясь. Однажды судьба сподобилась преподнести ей одного Александра в лице бывшего мужа. Звался он, правда, очень замысловато — Сандро. Хотя корни у того были рязанскими, и все детство пробегал он в сандалиях по пыльным деревенским улицам обычным Сашкой, а чаще всего просто Шуриком. Когда подрос, выклянчил у родителей медицинское образование, попал в струю, занявшись частной практикой массажиста, и стал Сандро.

Высокий, смуглокожий, черноволосый, с повадками огромной хищной кошки, с бицепсами борца и сильными порочными пальцами, он не мог быть простым Сашкой. Жизнь в большом городе, пристальное внимание женщин, зачастую красивых и молоденьких, развратили его, и он уже почти не вспоминал о своих корнях. И дорогу в деревню к родителям забыл, отделяваясь ежемесячными денежными посланиями...

Тот Сандро, что плыл сейчас слева от Катерины, тоже был под стать ее бывшему мужу. Такой же крепкий, загорелый и красивый лицом, только от женщин он почему-то шарahalся. В частности, от нее. Почему?

Почему молодому красивому мужику не ув-

лечься одинокой привлекательной женщиной, мающейся в одиночестве по соседству? Что его останавливает? Осторожность или какой-то тайный порок, напрямую намекающий на его преступную деятельность?

То, что Александр весьма и весьма непрост, Катерина поняла сразу. Тут вам и непонятный интерес к Голощихину, потихоньку спивающемуся в старом развалившемся доме, и странный телефонный разговор, свидетелем которого она невольно стала.

Ну ничего, решила она, нащупав босыми ногами песчаное дно. Он от нее никуда не денется. Ни он, ни Иван Голощихин. С тем она непременно переговорит, только дождется, когда он протрезвеет. Пока ей с этим не везло, Голощихин ушел в запой, а это, как подсказала тетя Маша, на неделю, не меньше.

— Катерина, — окликнул ее новый знакомый с неблагозвучным для нее именем. — Вас подвезти?

— Спасибо, я на машине, — лучезарно улыбнулась она, отжимая кончики намокших волос. — А вот пообедать бы не помешало где-нибудь в городе. Устала вкушать трапезу в одиночестве. Вы как?

Обедать с ней он не желал. Это было видно по насупленным бровям, по сведенному судорогой недовольства рту, но отказаться он не посмел. Уж из каких таких соображений, бог его знает.

— Хорошо. Идет. Я знаю тут одно неплохое местечко. Кавказская кухня. Готовят славно. Вы как насчет кавказской кухни? Ничего не имеете против? — пробубнил он, глядя куда-то в сторону.

Катерина даже обиделась немного. Разве у нее не на что посмотреть? Да в том купальнике, кото-

рый они выбрали с Дедковым, только и делай, что смотри! Все буквально на виду, ни одно достоинство не сокрыто, а их у нее...

— Ничего не имею против, — через силу улыбнулась Старкова, мысленно содрогнувшись от подобной перспективы.

Не любила она никакой экзотики, хоть убей! Ей бы чего попроще, поделикатнее для желудка. Щи, к примеру, со сметанкой. Или картошечка с укропчиком, ну и с котлеткой, как полагается. А харчо, шурпа и прочие густые пряные похлебки неизменно вызывали у нее изжогу. Ладно, потерпит ради скрепления уз знакомства. Выберет себе что-нибудь менее жирное и острое.

Они сели каждый в свою машину. Александр резво взял с места, Катерина выехала со стоянки следом за ним и всю дорогу до ресторана слабо охала, безбожно нарушая скоростной режим. Минут через десять они, изрядно поколесив по городу, остановились в самом центре города возле помпезно отделанного шероховатым камнем здания. По камню ползли искусственные лианы, изрядно выцветшие под палящим солнцем. Перед входом в ресторан уныло плевался тонкой струйкой крохотный фонтанчик.

Александр затормозил почти возле самых ступеней, выбрался из машины и, кивнув Катерине, сразу же пошел внутрь.

Вот вам и любезность, опешила она, почти бегом бросившись за ним. Оказалось, что поспешил он от нее отделаться с одной-единственной целью — успеть переговорить по телефону все с тем же Тарасом. Последняя фраза, что достигла слуха Старковой, была:

— Да, я не дурак, Тарас! Все под контролем. Так, я считаю, лучше. В смысле, когда на виду.

Тут Катерина как раз и выбралась на тот самый вид, о котором спешил доложить Александр Тарасу, и он резко свернул разговор. И даже галантно предложил ей свою руку, проводив до самого столика.

— Что заказывать станете? — деловито осведомился он, заметно повеселев после Тараскиного благословения, надо полагать. — Рекомендую шашлык, он тут отменный. Рагу отличное. Сациви тоже неплохое. Итак?

Старкова остановила свой выбор на печеных баклажанах, зажаренных вполне тривиально, почти по-отечественному, куриных крылышках и салате из красного перца.

Заказ прибыл минут через двадцать. Все это время они пытались поддерживать вежливый разговор. Вернее, это она пыталась. Александр лишь отвечал на ее вопросы, старательно перед этим обдумывая ответы.

В результате их общих напряженных трудов у Катерины сложился приблизительно следующий портрет ее нового знакомого.

Холост или говорил, что холост. Живет неподалеку от того города, из которого она не так давно рванула на поиски приключений. Занимается бизнесом, каким конкретно, ответил весьма уклончиво, что-то связанное со сбытом строительных материалов. В этот забытый богом и цивилизацией городишко прибыл с той же самой целью, что и она, — отдохнуть от тягот жизни и смога крупных населенных пунктов, а также от клиентов, что не давали покоя ни днем ни ночью.